

РАСКРЫТИЕ ВЕЧНЫХ ОБРАЗОВ «ТОСКИ» И «СКУКИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАССИКОВ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЖАСОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (на основе интра- и интеркультурного взаимодействия)

А.С. Гончаров, О.С. Макарова, В.Г. Павленко

Аннотация. *Статья направлена на изучение архетипических представлений в аспекте передачи метакодов через вечные образы в художественных произведениях. Согласно исследованиям Дж. Фирбаса, специалиста в области изучения культурных концептов и когнитивной лингвистики в целом, вечные образы «тоски» и «скуки», являясь наиболее часто используемыми американскими представителями жанра «литература ужасов», способны передать чувственное восприятие мира, фрустрацию главных героев и раскрыть многие политические, социально-экономические и духовные воззрения современного американского общества в интракультурном взаимодействии. То же касается интеркультурного взаимодействия: произведения данного жанра остаются популярными как в рамках российского общества, так и во всем мировом сообществе, что, безусловно, свидетельствует о востребованности в литературной среде. Помимо того, повышенный интерес к изучению систем лексических и лексико-семантических норм американского диалекта связан, прежде всего, с необходимостью на общегосударственном уровне различать особенности каждого функционального стиля речи. Чаще всего, вследствие некорректного использования концептов и монем (в разговорном стиле — это фразеологизмы, жаргонизмы, сленг; в официально-деловом стиле — это различные термины, профессионализмы и канцеляризмы) у несформированной языковой личности могут возникнуть проблемы с переводом, анализом текста в синхроническом аспекте, либо — с изучением концептов, при учете общественно-экономических отношений в диахроническом аспекте. Исходя из данных положений, мы можем проследить архетипические основания американского менталитета, а также трансформацию метакодов в идиолекты и интеграцию идиолектов*

427

© Гончаров А.С., Макарова О.С., Павленко В.Г., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

в культурные концепты, раскрывающие всю динамику текста и роль вечных образов в нем.

Ключевые слова: культурный концепт, идиолект, метакод, семантическое поле, лингвоментальный комплекс, коннотация и денотация, личностная установка.

REVEALING THE ETERNAL IMAGES OF "SADNESS" AND "BOREDOM" IN THE WORKS OF AMERICAN HORROR LITERATURE CLASSICISTS OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY
(Based on Intra- and Inter-Cultural Interaction)

A.S. Goncharov, O.S. Makarova, V.G. Pavlenko

Abstract. *The article is aimed at studying archetypical concepts in the aspect of metacode transmission through eternal images in works of art. According to the research of J. Firbas, a specialist in the study of cultural concepts and cognitive linguistics in general, the eternal images of "sadness" and "boredom", being the most frequently used by American representatives of the genre of "literature of horrors", can convey a sensual perception of the world, the frustration of the protagonists and reveal many political, socio-economic and spiritual views of modern American society in the intra-cultural interaction. The same applies to intercultural interaction: the works of this genre remain popular both within the Russian society and in the whole world community, which undoubtedly demonstrates the demand in the literary environment. In addition, the increased interest in studying the systems of lexical and lexical-semantic norms of the American dialect is primarily due to the need to distinguish the features of each functional style of speech at the national level. Most often, due to the incorrect use of concepts and monemes (in colloquial style- these are phraseological units, jargon, slang; in official business style — these are different terms, professionalism and clericalism), linguistically immature persons may have problems with translation, text analysis in the synchronous aspect, or — with the study of concepts, taking into account social and economic relations in the diachronic aspect. Based on these provisions, archetypical foundations of the American mentality can be traced, as well as the transformation of metacodes into idiolects and the integration of latter into cultural concepts that reveal the full dynamics of the text and the role of eternal images in it.*

Keywords: *cultural concept, idiolect, metacode, semantic field, linguistic complex, connotation and denotation, personal attitude.*

Актуальность данной статьи обусловлена возрастающей популярностью американской литературы в мировом сообществе. Американская литература ужасов второй половины XX века отличается большим набором тем, затрагивающих важные социальные, духовно-идеологические проблемы в современном американском обществе. Так, например, в романе Стивена Кинга «Доктор Сон» затрагивается проблема аддикций, в частности, алкогольной зависимости, а сам автор часто отсылает читателя к размышлению о судьбе «маленького человека». Авторская позиция в выборе литературы ужасов для раскрытия важных общественных проблем обусловлена тем, что литература ужасов, как правило, направлена на формирование у читателя чувства тревоги и страха, но в контексте освещения культурно значимых проблем и ненавязчивых авторских размышлений или лирических отступлений помогает сосредоточить часть когнитивных функций на бессознательной оценке проблем, изложенных автором, — особенно если речь идет о психологическом хорроре или мистическом детективе.

Практическая значимость выбранных для анализа произведений заключается в том, что общая совокупность культурных концептов и авторских идиолектов наиболее полно отражает социокультурные и культурно-языковые аспекты интеркультурной коммуникации, посредством которой культурные концепты американской литературы проникают в концептосферу мирового сообщества и, в частности, в русскую лингвокультуру. Языковой материал популярных работ, в бу-

ажном или электронном виде, достаточно быстро становится актуализированным вследствие всемирной информатизации различных художественных работ и глобализации в целом. В условиях развитой общественно-экономической системы США этот процесс протекает значительно быстрее, чем даже в среде постиндустриальных стран.

Новизна исследования заключается в возможности проследить динамику развития языка в аспекте трансформации вечных образов (архетипов) «тоски» и «скуки» в романах и рассказах классиков американской литературы ужасов второй половины XX века, среди которых можно выделить: Нила Геймана («Я Ктулху») [1], Джека Кетчама («Вы любите свою жену?») [2], Стивена Кинга («Доктор Сон» [3], «Оно» [4], «Сияние» [5]), Ричарда Мэтисона («Я — Легенда») [6], Энн Райс («Кровь и Золото») [7] и Питера Страуба («Потерянная девочка, потерянный мальчик») [8].

Отметим, что специфика художественного текста позволяет глубже проникнуть в структуру языка, лучше понять лингвоментальный (культурно-языковой) комплекс языковой личности во взаимосвязи с той общностью, на которую ориентируются реципиенты [9; 10]. При этом овладение навыком структурного анализа, позволяющего дать качественные и количественные характеристики отдельно взятому тексту, способствуют нивелированию многих семантических и полисемантических, а также социально-психологических полей, возникающих в процессе ознакомления с культурой речи через концептосферу определенного автора, либо коллектива авторов [11, с. 93—94].

Цель статьи — проанализировать архетипичные представления, раскрыть специфику передачи когнитивного и аксиологического аспектов первичных метакодов через вечные образы «тоски» и «скуки». Задачи — охарактеризовать культурные концепты и идиолекты избранных авторов — представителей английской и, в частности, американской культуры, осветить социальные, идеологические, политико-экономические и духовные проблемы, находящие свое отражение в концептах и, соответственно, концептосферах главных героев за счет адаптации авторских идиолектов в «мире смысла» художественных произведений.

Исходя из намеченной цели и поставленных задач исследования, объектом исследования является концептуальная сторона американской литературы ужасов второй половины XX века, предметом исследования — базисные культурных концепты и авторские идиолекты, свойственные для писателя как представителя американской культуры, способного раскрыть значимые социальные проблемы своего социального и языкового пространства, а также культурные концепты, преобладающие в выбранных для анализа произведениях.

Для решения поставленных задач при написании статьи были использованы сравнительно-исторический и диахронический методы, где структура и взаимосвязь историко-культурного опыта и языка объясняются общими рамками логико-хронологической последовательности, сопоставительный, который служит для изучения фактов языка на уровне основных его ярусов [12]. Однако

ключевым методом является психолингвистический анализ и «модель Рубикона» Хайнца Хекхаузена, раскрытый в исследовании Дж. Фирбаса [13].

Из совокупности художественных приемов, в их синхронно-диахроническом сочетании, складывается логико-сравнительное восприятие означающего и означаемого, то есть появляется теория, предположение, из которого проистекает умозаключение. При этом из анализа художественного противопоставления складывается вывод о том, что даже сама образность речи передает нераздельную сущность концепта и его положение в концептосфере, изучаемой в выбранном дискурсе исследования.

Эмпирические исследования по каждому автору представляют из себя комплекс аналитико-сравнительных характеристик, раскрывающих основные концепции и модели произведений и создающих иллюстрацию всего текста. Согласно закону «Дуалистической переходности» Дж. Фирбаса, интенция речи героя литературного произведения может помочь определить его культурные концепты и авторские идиолекты [4]. С опорой на «модель Рубикона» (рис. 1), более ранний вариант интенции речи Хайнца Хекхаузена можно раскрыть концепты героя художественного произведения и авторские идиолекты без обращения к методам психологии и психоанализа.

Таким образом, в ходе исследования ключевыми методиками являются базис исследования культурных концептов Дж. Ципфа [14] и закон «Дуалистической переходности» Дж. Фирбаса [13], которые, в совокупности, дают наиболее полное пред-

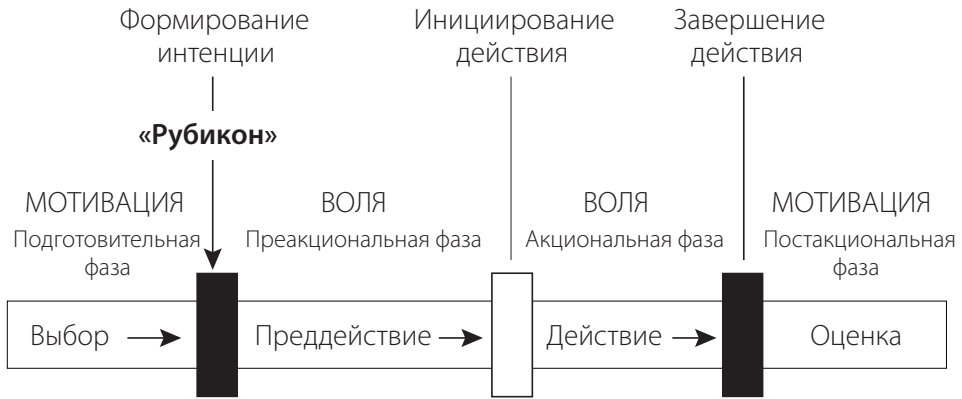

Рис. 1. Интенция речевой деятельности Х. Хекхаузена

ставление о языковых комплексах при восприятии оригинального и переводного текста отдельно взятого произведения. В ходе исследования мы придерживаемся психолингвистического подхода, предполагающего анализ: 1) культурных концептов и авторских идиолектов; 2) отдельно взятого минифрагмента коммуникации; 3) конситуации; 4) роль главного героя; 5) интенции его речи; 6) презентации текста автором [там же].

Условный базис обозначенных нами границ предполагает структурно-функциональный анализ выделенных вечных образов через экспликацию особенностей стиля, типичных тропов и топосов, художественных приемов, присущих американским писателям второй половины XX века (условно: 1970–1990), сформировавшихся под влиянием культуры модерна, постмодернизма и литературы ужасов в релятивной литературной преемственности (Э. Блэквуд — Р. Блох — Р. Мэтисон [6], Э.А. По — Г. Лавкрафт — С. Кинг [3; 4; 5]).

Основываясь на работах зарубежных и отечественных исследователей в области когнитивной лингвистики и структурного анализа ху-

дожественного текста, для анализа были взяты отрывки из произведений классиков американской литературы ужасов, способные раскрыть «мир смыслов» через семантику (отношения между знаками и обозначаемыми объектами действительности), прагматику (отношения между знаками и говорящим или слушающим) и синтактику (отношения между знаками внутри текста) [9].

С учетом апостериорной модели примеров и изученного художественного пространства, в ходе анализа были использованы произведения как малой, так и крупной прозы.

1. В рассказе Нила Геймана «Я Ктулху» образ тоски передан в главном божестве, которое автор описывает как «маленькую рыбку во вселенском океане», во многом опираясь на мифологию Г.Ф. Лавкрафта. “Lovely fellow, once I got used to him. He was the one who first gave me the idea. What the unspeakable hells is there to do in this dreary dimension? I asked him. He laughed. When I first came here, he said, a mere colour out of space, I asked myself the same question. Then I discovered the fun one can get in conquering these odd worlds,

subjugating the inhabitants, getting them to fear and worship you. It's a real laugh" («Вполне прикольный чувак, когда привыкнешь к нему. Он то и подал мне идею. — Какого неназываемого черта можно делать в этом ужасном измерении?! — Как-то раз вырвалось у меня. Он засмеялся. — Когда я только пришел сюда, будучи всего лишь цветком в пространстве, я тоже задался этим вопросом. Но потом я обнаружил, как прикольно завоевывать эти странные миры, подчинять их обитателей, заставляя их бояться тебя и поклоняться тебе. Это очень смешно!») [1, с. 3].

Образ скуки здесь также передает сам персонаж — Ктулху. Образ героя автобиографичен и раскрывает такие проблемы в современном американском обществе, как «подростковая отчужденность» и «социальная незащищенность». В концепте «чувак» (“fellow”) и идиолекте «неназываемый черт» (“unspeakable hells”) на примере данного мини-фрагмента прослеживается сравнение гетто и «странных миров» (“odd worlds”) Лавкрафта, в попытке обратить внимание читателя на экзистенцию главного героя, пытающегося стать частью непонятного для него мира. В конситуации на примере неидеализированного божественного мира мы видим множество сходств с обыкновенной социальной средой: иерархические отношения, необходимость в получении социального статуса. Роль главного героя — конвенционального типа соотносится с ролью «молодого сотрудника» в большой корпорации, однако, интенция речи, в виду специфики постмодернистского текста, никак не раскрывает заинтересованности в обще-

нии, что и презентуется автором через отвлеченные выражения и фразеологизмы.

2. В рассказе Джека Кетчама «Вы любите свою жену?» через вечный образ тоски показана проблема гражданского и фиктивного брака, спад моральных ценностей вследствие доминирования директивной стороны законодательства, нарушающей привычное культурно-языковое пространство и императивный характер права в целом. “Which seemed to amount to less and less — a subtle yet distinct difference. He continued to feel himself rolling far beneath the whitewater wake of their parting. Way down where the water was still and deep and very thin” («И это, казалось, составляет все меньшее и меньшее — тонкая, но отчетливая разница. Он продолжал чувствовать, что после их расставания он катится к морскому дну. Вниз, где вода была тихой, глубокой и очень прозрачной») [15, с. 34].

Главный герой пытается избавиться от привязанности к жене через различные виды творчества, в его концептосфере «свобода» (“freedom”, “liberty”) и «независимость» (“independence”) становятся важнее, чем концепты, отражающие различные виды аддикций, однако, идиолект «раскованность» (“relaxedness”) постепенно сливается с концептом «независимость». Образ скуки проявляется в поведении главного героя во второй части рассказа, в приведенном минифрагменте мы видим переживания главного героя, его сравнение личной утраты и морского дна. Конситуация показывает, что главный герой, с одной стороны, желает свободы, с другой — боится об-

ратной ее стороны — одиночества. Главный герой — любитель искусства, однако, его концептосферу составляют «вторичные культурные концепты» среднестатистического носителя языка (в аспекте американского диалекта), в конце рассказа мы наблюдаем сужение культурно-языкового пространства и обратное превращение концептов в идиолекты, в монемы. Коммуникативные намерения сводятся к получению информации, что презентуется автором в ключевых диалогах, когда главный герой в сбивчивой манере пытается избежать ценностной стороны диалога.

Стивен Кинг — один из популярнейших американских писателей, лицо современной литературы ужасов. Как и Нил Гейман, Стивен Кинг не раз доказывал, что способен передать в своем творчестве не только «дух американского общества», но и основные закономерности развития всего мирового сообщества, избегая семантических и полисемантических барьеров, сохраняя при этом цельность произведений и комплекс приемов, соответствующих выработанному художественному стилю. Социальные проблемы волнуют Кинга не меньше, чем факторизация мистики и хоррора. Газета “The New York Times” в 2014 г., через десять лет после завершения цикла «Темная башня», назвала Кинга писателем, который за полвека творческой деятельности смог рассмотреть все значимые проблемы современного общества.

3. В романе «Доктор Сон» Дэнни Торранс страдает от алкогольной зависимости, его волнуют проблемы веры и религии, он часто задумывается о смысле жизни, но не может заполнить экзистенциальный вакуум. Он

боится идти к психиатру и обращается за помощью к своим «сновидениям». “Precognitive powers... but of course we know better. Even if he hadn't kept the shining almost entirely to himself over the years, Dan would not have presumed to contradict a dying man... especially one with such coldly inquisitive blue eyes. The truth, however, was that one or both of his double dreams were often predictive, usually in ways he only half understood or did not understand at all” (Даже если бы не привык держать свою способность в секрете от всех, Дэн не осмелился бы возражать умирающему... особенно человеку с таким холодным и пронизательным взглядом. Истина, однако, заключалась в том, что обычно одно или оба из его двойных сновидений оказывались пророческими, но он лишь наполовину понимал суть предвидений или не понимал вовсе) [3, с. 18].

К середине романа можно увидеть эволюцию его концептосферы: если изначально двумя концептами-доминантами его культурно-языкового комплекса являлись «уверенность» (“sureness”) и «доверие» (“sureness”, “confidence”), то в дальнейшем первый концепт сменяется идиолектом «убежденность» (“conviction”, “confidence”, “belief”), который, как видно в минифрагменте, в сочетании с образом тоски (“anguish”, “yearning”) трансформируется в новый концепт — истина (“truth”), отражающий трансформацию религиозных убеждений главного героя. Конситуация показывает переживание главного героя по поводу утраты близкого человека, Дэнни намеревается глубже раскрыть свои способности, чтобы утвердиться в роли родителя для Абры, девочки, видящей те же сны, что и он.

4. В романе «Сияние», который предшествует событиям романа «Доктор Сон», Стивен Кинг с помощью аналогий проводит связь отеля «Оверлук»¹ с военной базой, «одной из многих» в США, где человек чувствует себя подавленно и скованно. Поднимаются такие темы, как несправедливая оплата труда, безработица, социальное расслоение, также остро критикуется политика Соединенных Штатов. “Now the darkness was shot with swirling whiteness. A coughing, whooping sound and bending, tortured shadows that resolved themselves into fir trees at night, being pushed by a screaming gale. Snow swirled and danced. Snow everywhere. ‘Too deep’, Tony said from the darkness, and there was a sadness in his voice that terrified Danny. ‘Too deep to get out’. Another shape, looming, rearing. Huge and rectangular. A sloping roof. Whiteness that was blurred in the stormy darkness. Many windows. A long building with a shingled roof. Some of the shingles were greener, newer. His daddy put them on. With nails from the Sidewinder hardware store. Now the snow was covering the shingles. It was covering everything. A green witchlight glowed into being on the front of the building, flickered, and became a giant, grinning skull over two crossed bones: ‘Poison’, Tony said from the floating darkness. ‘Poison’” («Вот тьму пронзили белые крутящиеся вихри. Кашляющий, надсадный звук, гнущиеся, изломанные тени превратились в ночные ели, мотающиеся на резком воющем ветру. Танцевал, крутился снег. Снег был повсюду. — Слишком глубокий, — ска-

зал из темноты Тони, и в его голосе прозвучала печаль, которая привела Дэнни в ужас. — Слишком глубокий, чтобы выбраться отсюда. Надвинулся, навис новый силуэт. Огромный и прямоугольный. Покатая крыша, неясным пятном белеющая в беснующейся тьме. Множество окон. Длинное здание с черепичной крышей. Часть черепицы была более новой и зеленой. Ее клал папа. Гвозди он покупал в Сайдвиндере. В магазине скобяных товаров. Сейчас черепицу засыпал снег. Снег засыпал все. Вынырнув из небытия, на фасаде здания засветился зеленый ведьмин огонек, он мигнул и превратился в гигантский череп, ухмыляющийся над двумя скрещенными костями. — Яд, — сообщил из наплывающей темноты Тони. — Яд») [5, с. 27].

В подражании Лавкрафту Стивен Кинг в начале романа сталкивает Джека Торренса, любящего отца и писателя, с двумя важными проблемами: духовной и социальной. Интенция речи Джека отражает внутреннюю борьбу, духовное искание, что заметно в таких концептах, как отчаяние (“despair”) и скука (“boredom”). У Джека Торранса концепт глубокий/глубоко (“deep”) неразрывно связан с концептом скуки (“boredom”) и некоторыми идиолектами: «тени» (“shadows”), «яд» (“poison”). В этом случае автором презентуется, как культурно-языковой комплекс расширяется под воздействием вечных образов.

5. В романе «Оно» освещаются те же темы, что и в приведенном нами рассказе Н. Геймана «Я Ктулху», но более подробно и менее иносказательно. Каждый из героев наделен

¹ Стивен Кинг использует в названии отеля игру слов “over look” — «упускать из виду».

собственными личностными особенностями и собственными концептами в равной степени. “She hurries away, glad to be rid of that gaze—that deadly, almost hypnotic gaze. Ben Hanscom turns his head to the window and looks out. Lightning goes off inside huge thunderheads nine miles off the starboard wing. In the stutter-flashes of light, the clouds look like huge transparent brains filled with bad thoughts” («Она спешит прочь, радуясь, что избавилась от этого взгляда, мертвого, почти гипнотического взгляда. Бен Ханском поворачивает голову и смотрит в иллюминатор. Молнии вырываются из громадных облаков в каких-то девяти милях от правого крыла. В отвесах вспышек облака выглядят, как гигантские прозрачные мозги, заполненные дурными мыслями. Он ощущает карман жилетки, но серебряных долларов нет») [4, с. 112].

В романе присутствует множество вечных образов, передающих одновременно ощущение тревоги и страха. Во 2–3 главах раскрывается взаимосвязь авторских идиолектов с концептами «дом» (“home”, “house”), «сон» (“dream”), «серебро» (“silver”). В приведенном минифрагменте Бен сталкивается с проблемой смерти, но его больше волнует отсутствие денег. В конситуации видно, что культурно-языковое пространство насыщено такими идиолектами, как «убежище» (shelter), «мечта» (dream), «власть» (rule). Бен — мечтатель и, в некоторой степени, наблюдатель. Он не хочет примерять на себя какую-либо роль, а предпочитает жить по «своим» правилам, соблюдая моральный кодекс, придуманный им самим же. В ходе повествования мы узнаем

сходства Бена с некоторыми политическими деятелями США, автор постепенно знакомит читателя с разными сторонами жизни главного героя и, если в начале романа Бен кажется положительным персонажем, по крайней мере, в силу возраста, то уже во второй части прослеживаются черты антигероя.

6. В романе Ричарда Мэтисона «Я — Легенда» главный герой сталкивается с последствиями попытки создания сверхчеловека. Психологический хоррор обладает чертами антиутопии и социальной фантастики. Несмотря на то, что главный герой — один из немногих выживших, обладающих иммунитетом к распространившемуся вирусу, он решает в одиночку излечить человечество и справиться с последствиями заражения. “The past had brought something else, though; pain at remembering. Every recalled word had been like, a knife blade twisting in him. Old wounds had been reopened with every thought of her. He’d finally had to stop, eyes closed, fists clenched, trying desperately to accept the present on its own terms and not yearn with his very flesh for the past. But only enough drinks to stultify all introspection had managed to drive away the enervating sorrow that remembering brought. He focused his eyes. All right, damn it, he told himself, do something!” («Правда, из прошлого всплыло не только это: захлестнувшая его боль воспоминаний с каждым словом вонзалась в его плоть. Старые раны раскрылись и кровоточили воспоминаниями о Ней. Остановиться! Пора было остановиться. Его кулаки сжались. Он закрыл глаза и долго безуспешно пытался вернуться в настоящее.

Былые ощущения ожили в нем, пробуждая тоску плоти по прошлому. Реальность поблекла и отступила на второй план. Помогло только виски — он пил, пока воспоминания не превратились в фарс, пока боль души и скорбь не растворились в алкоголе, пока не затянулась кровоточащая рана памяти. «Ладно, дьявол с ним, — сказал он себе, пытаясь сосредоточиться, — надо что-то делать») [6, с. 89].

Вечные образы «тоски» (“anguish”, “yearning”) и «скуки» (“boredom”) образуют связь с образами «скорби» («sorrow») и «самоанализа» (“introspection”)². Конситуация показывает наличие элементы гротеска и постмодерна, которые позволяют одновременно передать языковое пространство (через воспоминания главного героя) и, благодаря подробному описанию личностных установок в начале повествования, сразу расшифровать многие идиолекты и воспринять их в общей концептосфере. Роберт Нэвилл, главный герой, берет на себя роль спасителя (название книги является возможной отсылкой на пятую главу Евангелия от Марка). Интенция речи подтверждает намерение Роберта и, самое главное, его уверенность в том, что он самолично сможет стать спасителем мира, однако вскоре на Роберта начинает давить груз ответственности. Автором это презентуется через размышления главного героя и знаково-символическое расположение предметов в его квартире: Роберт злится, когда замечает любое сходство с сюжетом Писания.

7. В романе Энн Райс «Кровь и золото» показана специфика вечных

образов и культурных концептов как единого целого комплекса метакодов, по-разному раскрытых через размышления и диалоги вторичных героев. “Unwillingly he saw through their eyes, and beheld the work as they beheld it. Sometimes he didn’t mind. He liked it. Modern things amused him. He listened to far-away electric songs. With the Mind Gift he understood such things as steam engines and railroads he even understood computers and automobiles. He felt he knew the cities he had left behind though it had been centuries since he’d forsaken them. An awareness had come over him that he wasn’t going to die. Loneliness in itself could not destroy him. Neglect was insufficient. And so he slept” («Сам того не желая, Торн видел мир их глазами, и иногда это даже доставляло ему удовольствие. В современном мире было много интересного и забавного — электронная музыка, например, звуки которой нередко доносились откуда-то издалека. Мысленный дар помог ему узнать о появлении паровых моторов и железных дорог и даже понять, что такое компьютеры и автомобили. Города, в которых он когда-то бывал, и теперь казались ему знакомыми, хотя с тех пор, как он покинул их, прошли века. Со временем пришло осознание, что он не умрет. Одиночество само по себе не убивает. Забвения тоже недостаточно. И Торн просто погрузился в сон») [7, с. 52].

8. В романе Питера Страуба «Потерянный мальчик, потерянная девочка» наблюдается обратная специфика: комплекс метакодов раскры-

² В переводе С. Осипова «introspection» — «боль души».

вает содержание диалогов героев, позволяя читателю восстановить сюжет, отдельные части которого не воспринимаются объективно из-за использования писателем такого приема, как «ненадежный повествователь». «Mark suffered from no such scruple. His eyes blazing, he could barely restrain himself from running. Jimbo saw him take in the skateboard and on the spot dismiss it as an irrelevance. The swift, deepening ache this brought Jimbo almost immediately dwindled in the intensity of Mark's eager slide down onto the bench and the swooping tilt of his shieldlike face toward Jimbo's. He was wearing a black T-shirt and black jeans, and his face had a scrubbed, gleaming look» («В душе Марка творилось что-то, совсем не похожее на мучительные сомнения друга. Глаза мальчика горели, и он едва сдерживал себя, чтобы не побежать. Посмотрев на доску в руках Джимбо, Марк тут же забыл про нее, как про абсолютно неуместную. Но полыхнувшее в душе тоскливое чувство почти мгновенно утихло, когда Марк энергично опустился на скамейку и, вскинув подбородок, с вызовом глянул на Джимбо. На нем была черная футболка и черные джинсы, и его чистое лицо сияло») [8, с. 101].

Из приведенных минифрагментов видно, что вечные образы «тоски» и «скуки» в интракультурном взаимодействии не только передают социально значимые проблемы, но и формируют представление о современной американской картине мира в сложившемся культурно-языковом про-

странстве. Художественный авторский мир в контексте литературы ужасов, хотя и представляет собой идеализированный культурно-языковой комплекс, но, благодаря соприкосновению с социально-реалистическим аспектом литературы, позволяет актуализировать важнейшие духовные, социальные и политические проблемы современного общества в сознании читателя. С точки зрения психолингвистики, такой эффект объясняется, во-первых, синкретизмом социальной и мистической составляющих разных литературных жанров в единую систему ценностей, а во-вторых, непосредственно особенностью американской литературы ужасов второй половины XX века и современности.

Таким образом, наиболее важное место в процессе интра- и интеркультурного взаимодействия занимает понимание авторских концептов (идиолектов, трансформирующихся в культурные концепты) не только носителями языка, но и представителями иной лингвокультуры [16]. Для этого автор должен уметь передать вечные образы, сочетающие элементы художественности и метакоды, коннотативные значения которых наиболее близки к установившимся в лингвоментальном пространстве денотатам³.

В произведениях классиков американской литературы ужасов второй половины XX века содержатся именно те культурные и языковые коды, которые с помощью обозначенных нами культурных концептов и авторских идиолектов передают

³ Такого эффекта можно добиться, если использовать концептуальную метафору или металепсис в размышлении / лирическом отступлении, ссылаясь на экзистенциальные воззрения другого автора схожего жанра. Г. Лавкрафт, например, часто использовал психологический портрет Э. Блэквуда для создания многих своих второстепенных героев в период раннего творчества.

социально-духовные и некоторых политико-экономические воззрения авторов как носителей языка и представителей культуры в культурно-языковое пространство всей англоязычной среды в целом, а через нее — в русскоязычный сегмент.

Проекция психолингвистических закономерностей в культурно-языковое пространство отражает синкретическую специфику выбранных для анализа литературных произведений через вечные образы «тоски» и «скуки» и их ассоциаты, что позволяет читателю воспринимать означаемое (понятие) и означаемое (образ) как нечто имманентное его собствен-

ной лингвокультуре и ценностной системе. Благодаря переводу наиболее популярных американских авторов своего жанра с опорой на концептуальные особенности аутентичного текста, мы можем заново воссоздать «эффект погружения», которого и добивались авторы текста оригинала на исходном языке. Из этого следует, что выделенные нами вечные образы и отражающие их суть культурные концепты у представителей жанра оказывают значительное влияние на духовную сторону социокультурной системы, как в рамках российского общества, так и на все мировое сообщество в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gaiman, N.* I Cthulhu. London.: Penguin Books, 2001. 32 p.
2. *Ketchum, J.* Do You Love Your Wife (Comp-n). London.: Chapman & Hall, 2011. 113 p.
3. *King, S.* Doctor Sleep. London.: Penguin Books, 2013. 762 p.
4. *King, S.* It. London.: Penguin Books, 2018. 1141 p.
5. *King, S.* The Shining. London.: Penguin Books, 2014. 450 p.
6. *Matheson, R.* I Am Legend. London.: Penguin Books, 2006. 482 p.
7. *Rice, A.* Blood and Gold. London.: Chapman & Hall, 2015. 487 p.
8. *Straub, P.* Lost Boy, Lost Girl. London.: Penguin Books, 2004. 384 p.
9. *O'Connell, S.* Focus on IELTS. Sue O'Connell. Oxford.: Pearson Educated Limited, 2016. 267 p.
10. *Wittgenstein, L.* Culture and Value. Oxford.: Philosophy of Culture., 2017. 267 p.
11. *Павленко, В.Г., Макарова, О.С., Гончаров, А.С.* Раскрытие лингвокультуры Великобритании через художественный аспект семантики вводных слов, выражающих уверенность, в произведениях английских классиков-реалистов // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2019. С. 92–104.
12. *Baudouin de Courtenay, I.A.* A Pioneer of Structural linguistics. Victoria: University of Victoria, 2018. 311 p.
13. *Firbas, J.* On defining the theme in functional sentence analysis. TLP, 2014. 231 p.
14. *Zipf, G.K.* The Psycho-biology of Language. London, 2016. 391 p.
15. *Wittgenstein, L.* Culture and Value. Oxford.: Philosophy of Culture, 2017. 267 p.
16. *Hornby, A.* Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2018. 1914 p.

REFERENCES

1. Volf E.M. *Funkcionalnaya semantika ocenki*. Moscow, Stereotip, 2019, 278 p. (in Russian)
2. Pavlenko V.G., Makarova O.S., Goncharov A.S. Raskrytie lingvokultury Velikobritanii cherez hudozhestvennyj aspekt semantiki vvodnyh slov, vyrazhayushchih uverenost', v proizvedeniyah anglijskikh klassikov-realistov, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda*. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M.V. Lomonosova, 2019, pp. 92–104. (in Russian)
3. Baudouin de Courtenay I.A. *A Pioneer of Structural linguistics*. Victoria, University of Victoria, 2018, 311 p.
4. Firbas J. *On defining the theme in functional sentence analysis*. TLP, 2014, 231 p.
5. Gaiman N.I. *Cthulhu*. London, Penguin Books, 2001, 32 p.
6. Hornby A. *Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English*. Oxford, Oxford University Press, 2018, 1914 p.
7. Ketchum J. *Do You Love Your Wife (Comp-n)*. London, Chapman & Hall, 2011, 113 p.
8. King S. *Doctor Sleep*. London, Penguin Books, 2013, 762 p.
9. King S. *It*. London. Penguin Books, 2018, 1141 p.
10. King S. *The Shining*. London, Penguin Books, 2014, 450 p.
11. Matheson R. *I Am Legend*. London, Penguin Books, 2006, 482 p.
12. OConnell S. *Focus on IELTS*. Oxford, Pearson Educated Limited, 2016, 267 p.
13. Rice A. *Blood and Gold*. London, Chapman & Hall, 2015, 487 p.
14. Straub P. *Lost Boy, Lost Girl*. London, Penguin Books, 2004, 384 p.
15. Wittgenstein L. *Culture and Value*. Oxford, Philosophy of Culture, 2017, 267 p.
16. Zipf G.K. *The Psycho-biology of Language*. London, 2016, 391 p.

Гончаров Антон Сергеевич, бакалавр, Ставропольский государственный педагогический институт, raven-moon-34999@mail.ru

Goncharov A.S., Bachelor, Stavropol State Pedagogical Institute, raven-moon-34999@mail.ru

Макарова Олеся Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Ставропольский государственный педагогический, o-ss@mail.ru

Makarova O.S., PhD in Pedagogy, Associate Professor, English Language Teacher, Stavropol State Pedagogical Institute, o-ss@mail.ru

Павленко Вероника Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Ставропольский государственный педагогический институт, verony79@mail.ru

Pavlenko V.G., PhD in Philology, Associate Professor, English Language Teacher, Stavropol State Pedagogical Institute, verony79@mail.ru